

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№ 3 (43) • 2022

ЕСПЧ: исполнительные органы — не «другие лица»

**Прекращение международных договоров:
когда гибкость лучше жёстких правил**

Санкции в отношении услуг и национальная безопасность

**Прецедентная аргументация
в судах интеграционных объединений**

**Судебный диалог:
кто является субъектами преюдициальной процедуры?**

**«Сильные мира сего»
перед лицом международного уголовного правосудия**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№3 (43) • 2022

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель

О. Б. Сидорович

Издатель

ООО «Центр конституционных исследований»

Редакционный совет

А. И. КОВЛЕР, председатель (Институт законодательства и сравнительного правоведения)

Б. БАУРИНГ (Лондонский университет, Великобритания)

Л. ГАРЛИЦКИЙ (Варшавский университет, Польша)

А. Я. КАПУСТИН (Институт законодательства и сравнительного правоведения)

Т. Н. НЕШАТАЕВА (Суд Евразийского экономического союза, Беларусь)

А. НУССБЕРГЕР (Кельнский университет, Германия)

С. М. ПУНЖИН (Международный Суд ООН, Нидерланды)

А. УШАЦКА (Международный уголовный суд (2006–2015), Латвия)

М. Л. ЭНТИН (МГИМО МИД России)

Редакционная коллегия

Д. С. БОКЛАН (НИУ «Высшая школа экономики»)

А. П. ЕВСЕЕВ (НИУ «Высшая школа экономики»)

Д. В. КРАСЯКОВ (Саратовская государственная юридическая академия)

И. В. РАЧКОВ (МГИМО МИД России)

А. К. СОБОЛЕВА (НИУ «Высшая школа экономики»)

В. В. СТАРЖЕНЕЦКИЙ (НИУ «Высшая школа экономики»)

М. П. ТРУНК-ФЕДОРОВА (Санкт-Петербургский государственный университет)

М. А. ФИЛАТОВА (НИУ «Высшая школа экономики»)

К. В. ЭНТИН (Суд Евразийского экономического союза, Беларусь)

Выпускающий редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ (ООО «Центр конституционных исследований»)

Редакторы-корректоры

М. СИДОРОВИЧ

С. Ф. УСПЕНСКАЯ

Журнал издаётся при
финансовой поддержке

Решением ВАК журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Журнал входит в базу журналов Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, а также в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich'sPeriodicalsDirectory.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82341 от 23 ноября 2021 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 300 экз. Периодичность — 4 номера в год. Цена свободная.

Подписной индекс (Каталог «Почта России») — ПН994.

Дата выхода в свет: 30 сентября 2022 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35. Эл. почта: info@mp-journal.ru

Адрес издателя (фактический): 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Отпечатано в ООО «Объединенный полиграфический комплекс» г. Москва, Дерbenevская наб., д. 7с2; info@orp.bz; +7 (499) 130-60-19.

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© ООО «Центр конституционных исследований», 2022

PRAXIS**RES JUDICATA**

**ЕСТЬ ЛИ ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ
У ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ:
НОВОЕ ТОЛКОВАНИЕ СТАТЬИ 10
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

3

Анита Соболева

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА:
ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПАЛАТЫ ОТ 14 ИЮНЯ 2022 ГОДА
ПО ДЕЛУ ЭКОЗАЩИТА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ
(ЖАЛОБЫ № 9988/13 И 60 ДРУГИХ)**

16**SCRIPTORIUM****JUSTICIA**

**РАБЫ ПРОШЛОГО, ДЕСПОТЫ БУДУЩЕГО?
ПРЕЦЕДЕНТ КАК ФОРМА АРГУМЕНТАЦИИ
В СУДАХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ**

50

Екатерина Дьяченко

JUS GENTIUM

**ПРЕКРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ:
БУЙСТВО КРАСОК ЗА РАМКАМИ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ 1969 ГОДА**

75

Алексей Исполинов

JUS CRIMINALE

**БИЗНЕС И МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

96

Александр Евсеев

JUS COMMUNE

**РОЛЬ СУДА ЕС В РАЗВИТИИ СТАНДАРТОВ ЗАЩИТЫ
ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ ПО ПРИЗНАКУ ВОЗРАСТА**

117

Елена Сорокина

LEX MERCATORIA

**САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ УСЛУГ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ: ОПРАВДАНИЕ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ?**

139

Дарья Боклан, Елена Мурашко

INTERNATIONAL JUSTICE

3 (43) • 2022

Founder

O. Sidorovich

Publisher

Center for Constitutional Studies Ltd.

Scientific Advisory Board

A. KOVLER, Chairman (Institute of Legislation and Comparative Law)

B. BOWRING (Birkbeck College of the University of London, UK)

L. GARLICKI (University of Warsaw, Poland)

A. KAPUSTIN (Institute of Legislation and Comparative Law)

T. NESHATAEVA (Court of the Eurasian Economic Union, Belarus)

A. NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)

S. PUNZHIN (International Court of Justice, Netherlands)

A. USACKA (International Criminal Court (2006–2015), Latvia)

M. ENTIN (MGIMO University)

Board of Editors

D. BOKLAN (Higher School of Economics)

K. ENTIN (Court of the Eurasian Economic Union, Belarus)

A. EVSEEV (Higher School of Economics)

M. FILATOVA (Higher School of Economics)

D. KRASIKOV (Saratov State Law Academy)

I. RACHKOV (MGIMO University)

A. SOBOLEVA (Higher School of Economics)

V. STARZHENETSKY (Higher School of Economics)

M. TRUNK-FEDOROVA (Saint Petersburg State University)

Managing Editor

O. SIDOROVICH (Center for Constitutional Studies Ltd.)

Proofreaders

M. SIDOROVICH

S. USPENSKAYA

Published under the sponsorship of the

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation

Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation

Phones: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35

E-mail: info@mp-journal.ru

https://mp-journal.ru

© Center for Constitutional Studies Ltd., 2022

PRAXIS**RES JUDICATA**

THE “REPUTATION” OF A PUBLIC AUTHORITY:
A NEW INTERPRETATION OF ARTICLE 10 OF THE ECHR
BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS **3**
Anita Soboleva

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: **16**
REVIEW OF THE CHAMBER JUDGMENT OF 14 JUNE 2022
IN THE CASE OF *ECODEFENCE AND OTHERS V. RUSSIA*
(APPLICATIONS NOS. 9988/13 AND 60 OTHERS)

SCRIPTORIUM**JUSTICIA**

SLAVE OF THE PAST, TYRANT OF THE FUTURE? **50**
JUDICIAL PRECEDENT AS A FORM OF LEGAL ARGUMENTATION
IN THE CASE-LAW OF INTEGRATION COURTS
Ekaterina Diyachenko

JUS GENTIUM

TERMINATION OF INTERNATIONAL TREATIES: **75**
A RIOT OF COLORS BEYOND THE VIENNA CONVENTION
ON THE LAW OF TREATIES (1969)
Alexey Ispolinov

JUS CRIMINALE

BUSINESS AND THE INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE: **96**
THE EVOLUTION OF THEIR RELATIONSHIP
Aleksandr Evseev

JUS COMMUNE

THE ROLE OF THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION **117**
IN DEVELOPING STANDARDS OF PROTECTION
AGAINST AGE DISCRIMINATION
Elena Sorokina

LEX MERCATORIA

SANCTIONS ON TRADE IN SERVICES AND NATIONAL SECURITY: **139**
JUSTIFICATION OR ABUSE?
Daria Boklan, Elena Murashko

Бизнес и международное уголовное правосудие: эволюция взаимоотношений

Александр Евсеев*

В статье затрагивается проблема привлечения представителей деловых кругов к международной уголовно-правовой ответственности. Данная проблема рассматривается в двух аспектах: с точки зрения индивидуальной ответственности предпринимателей, действующих в личном качестве, и с точки зрения корпоративной ответственности юридических лиц частного права. Автор анализирует обозначенные феномены в историческом плане, начиная своё исследование с окончания Второй мировой войны и заканчивая новейшими кейсами, рассмотренными интернационализированными (гибридными) судами. Делается вывод о том, что в целом предприниматели редко выступают в качестве фигурантов соответствующих судебных разбирательств в органах международного уголовного правосудия и почти никогда таковыми не являются корпорации. Наметившаяся тенденция к ограничению уголовного преследования за международные преступления исключительно военными и политическими руководителями в ущерб преследованию представителей бизнеса, несомненно, снижает эффективность и гуманистический потенциал международных уголовных судов и трибуналов. В целом в статье констатируется необходимость более гибкого подхода к международной уголовно-правовой ответственности крупного бизнеса. В этом отношении перспективным представляется призыв «Назад к Нюрнбергу!», который разделяется отдельными представителями российской юридической науки. В статье подчёркивается, что международное сообщество ещё на стадии подготовки Римского статута Международного уголовного суда несколько сузило возможности для привлечения к уголовной ответственности по международному праву бизнес-структур, отказавшись криминализовать ответственность юридических лиц. Таким образом, представитель деловых кругов может оказаться на скамье подсудимых в Гааге исключительно в личном качестве. Автор приходит к выводу, что, несмотря на относительно небольшое количество уголовных дел, связанных с совершением международных преступлений представителями крупного бизнеса, последние всё чаще оказываются в поле зрения правоохранительных органов. Своего рода суррогатом привлечения их к юридической ответственности является наложение персональных и корпоративных санкций, которые не требуют предварительного расследования и установления соответствующих юридических фактов (например, сотрудничества с преступными режимами) и накладываются по решению политических органов власти, хотя и подлежат оспариванию в национальных и международных судах.

DOI: 10.21128/2226-2059-2022-3-96-116

→ *Нюрнбергский процесс 1945–1946 годов; малые (последующие) Нюрнбергские процессы 1946–1949 годов; международное уголовное правосудие; уголовная ответственность предпринимателей по международному праву; социальная ответственность бизнеса; корпоративная уголовная ответственность*

* *Евсеев Александр Петрович* — кандидат юридических наук, доцент департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: arevseyev@gmail.com).

Памяти Михаила Александровича Уотфорда

1. Вступительные замечания

Участие в российско-украинских переговорах в Стамбуле Р.А.Абрамовича, одного из «капитанов» российских деловых кругов, с новой силой разожгло огонь давней полемики о том, существует ли ответственность крупного бизнеса за происходящее на полях сражений. Долгие годы — и этим мы обязаны «воротилам» фашистской Германии, приведшим А. Гитлера к власти, — монополии рассматривались в качестве одних из влиятельнейших союзников многочисленных диктаторских режимов, хунт и т. д., на которые был так богат, по выражению Э. Хобсбаума, «короткий XX век», а самих бизнесменов нередко именовали «генералами в гражданских костюмах»¹. Но справедлива ли такая оценка? А если справедлива, то получила ли она поддержку в решениях органов международного уголовного правосудия?

Кроме того, транснациональные корпорации (*далее* — ТНК) на протяжении всего XX века признавались ответственными за крупные техногенные катастрофы и разнообразные полулегальные промыслы, приводящие к неблагоприятным последствиям для людей и окружающей среды. Достаточно вспомнить массовые отравления ртутью в японском городе Минамата, вызванные сбросом компаний «Тиссо» химических соединений в залив (фабула этого дела послужила основой для сценария фильма «Великий» с Дж. Деппом в главной роли), промышленную добычу алмазов в раздираемой гражданской войной Анголе и ЮАР времён апартеида, на которой «нагрела руки» компания «Де Бирс», катастрофические условия труда на предприятиях швейной промышленности в странах Азии, принадлежащих западным ТНК наподобие спортивных фирм «Найк» или «Рибок», и множество других примеров². Неслучайно в научной литературе всё чаще звучат рассуждения о социальной и юридической ответственности бизнеса³, а на практике, прежде всего международно-правовой, ООН разработала Глобальный договор и девять индикаторов Глобальной инициативы по отчётности, а также Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека («принципы Рагги»), установившие минимальные стандарты деятельности крупных корпораций⁴. В частности, в указанных актах отмечается, что деловые круги не должны быть причастны к нарушениям прав человека, обязаны выступать за ликвидацию всех форм принудительного и обязательного, а также детского труда, противостоять всем формам коррупции и содействовать развитию и распространению экологически безопасных технологий. Примером реального соблюдения этих требований может служить инициированный в 2003 году «Кимберлийский процесс» — комплекс мер, препятствующих попаданию на западные рынки «кровавых алмазов», добытых в неблагополучных странах Африки.

Однако по-прежнему неисследованным и, по большому счёту, неосвоенным современным юридическим сознанием остаётся вопрос об ответственности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц частного права за преступления по международ-

¹ Такое название получила изданная в 1953 году книга Дж. Дюбуа, одного из обвинителей на малом Нюрнбергском процессе по делу «И. Г. Фарбениндустри».

² Подробнее см.: Вернер К., Вайс Г. Чёрная книга корпораций / пер. с нем. О. Колосовой, А. Шавердяна. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2007.

³ См., например: Марченко М. Н. Проблемы юридической и социально-политической ответственности бизнеса // Государство и право. 2007. № 11. С. 5–11.

⁴ См.: Арсеньев И. А. Права человека в деятельности корпораций : моногр. М. : Аспект Пресс, 2021. С. 62–66.

ному праву (геноцид, военные преступления, преступления против человечности и акт агрессии), хотя подобные прецеденты случались неоднократно. Именно этой проблеме — различным формам подотчётности бизнеса за международные преступления — и посвящена настоящая статья. Актуальность обозначенной проблематики обусловлена, помимо прочего, ещё и тем обстоятельством, что тяжчайшие «макропреступления» становятся возможными только при наличии значительных организационных и финансовых ресурсов, обеспечить которые в состоянии только экономические акторы⁵. Вот почему в западной доктрине даже делаются попытки обосновать существование в рамках международного уголовного права отдельной подотрасли — международного *экономического* уголовного права.

Добавим к сказанному, что в России проблема сотрудничества бизнеса и власти на пути достижения целей, вызывающих, как сказано в Римском статуте Международного уголовного суда (*далее* — МУС), «озабоченность всего международного сообщества», приобретает какой-то особый, свойственный только ей трагизм. Ведь бизнесмены, прозванные в народе «новыми русскими», длительное время (фактически все 1990-е годы) считались главными бенефициарами рыночных реформ и перехода к демократическому правлению. Помимо этого, зарождающийся класс собственников выступал главным связующим звеном между Россией и Западом. По крайней мере, так происходило до 2003 года, чётко обозначившего «переход к “захвату бизнеса” российским государством и становлению в России “государства-хищника”, ориентированного на извлечение ренты чиновниками, которые прямо или косвенно контролировали экономических агентов и в той или иной мере “кормились” за их счет»⁶. Та же часть олигархата, которая пошла на сделку с властью, выиграв тактически, стратегически всё равно проиграла, попав под череду западных санкций сперва в 2014 году, а затем — в 2022 году. В результате те, кто ещё каких-то тридцать лет тому назад казался (и действительно был) своеобразным «мостиком» между двумя цивилизациями, поставили свой деловой талант на службу той силе, которая последние годы прилагала невероятные усилия, чтобы железный занавес опустился вновь. В этой, если угодно, измене идеалам юности и кроется, по нашему мнению, главная трагедия русских предпринимателей «первой волны».

2. Индивидуальная ответственность предпринимателей по международному уголовному праву

Пожалуй, впервые на доктринальном уровне вопрос об ответственности деловых кругов был поднят после поражения Германии во Второй мировой войне. Как известно, одной из отличительных особенностей немецкой экономики тех лет была тесная смычка между представителями тяжёлой промышленности, формально продолжавшей оставаться в частных руках, и государственно-партийной элитой. В качестве примера можно привести «кружок друзей рейхсфюрера СС», образованный в 1932 году, куда входили двенадцать, а по прошествии времени — сорок представителей крупного капитала. Первоначально заседания проводились два раза в год, а затем ежемесячно. Ежегодные пожертвования составляли один миллион рейхсмарок, которые шли на «культурные, социальные и благотворительные мероприятия СС»⁷. Одним из таких мероприятий

⁵ См.: *Ambos K. International Economic Criminal Law // Criminal Law Forum. Vol. 29. 2018. No. 4. P. 499–566, 502.*

⁶ *Гельман В.* Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2021. С. 204.

⁷ *Хавкин Б.* Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М.: Алгоритм, 2014. С. 43.

стала экскурсия в концлагерь Дахау, организованная для представителей деловых кругов в 1936 году, существенным образом дискредитировавшая их более поздние утверждения о том, что они «ничего не знали»⁸.

Вернее всего, немецкие монополии видели в национал-социалистах силу, способную остановить левые умонастроения, широко распространённые в рабочей среде в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века, и ослабить профсоюзное движение, отстаивавшее социально-экономические права трудящихся, обеспечение которых было объективно невыгодно держателям бизнеса. Вот как историк Л. Хербст описывает отношение промышленников к тогдашней Веймарской республике: «Они горько жаловались на социальную и финансовую политику... Они обнаружили, что заработная плата слишком высока и рабочее время слишком короткое... Они вообще не любили демократию и продолжали чтить монархию... Они были уверены, что политическая система Веймара оказала гнусное влияние на конкурентоспособность немецкой промышленности»⁹. Неслучайно поэтому сталелитейный магнат Ф. Тиссен ещё в 1923 году передал Национал-социалистической немецкой рабочей партии (далее — НСДАП) 100 тыс. марок золотом для борьбы с левыми движениями, прежде всего с Коммунистической партией Германии Э. Тельмана, а в 1928 году профинансировал приобретение будущей штаб-квартиры НСДАП в Мюнхене — так называемого «Коричневого дома»¹⁰ (нем.: *Braunes Haus*).

Любопытно, что финансовые воротилы Третьего рейха не чурались и банального подкупа. Так, в день своего 50-летия, отмечавшегося в 1943 году в разгар «тотальной войны», рейхсмаршал Г. Геринг получил от промышленников ряд ценнейших произведений искусства, в том числе уникальный сервиз севрского фарфора из 2 400 предметов стоимостью в полмиллиона марок¹¹.

Однако наиболее позорных высот достигла эксплуатация подневольного труда рабочих, угнанных в Германию. Так, на некоторых предприятиях концерна Ф. Флика, впоследствии осуждённого на малом Нюрнбергском процессе № 5, угнанные составляли более 50% всех рабочих. На заводах «И. Г. Фарбениндустри» было занято в 1942 году 22 тыс. угнанных рабочих, военнопленных и заключённых, в 1943 — 58 тыс., в 1944 — 86 тыс., в 1945 — 102 тыс.¹² Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ноте народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 11 мая 1943 года говорилось: «Советское Правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания»¹³.

Изложенное выше привело к тому, что при подготовке Нюрнбергского процесса 1945—1946 годов встал вопрос о привлечении к международной уголовно-правовой ответственности «пушечного короля» Г. Круппа, президента Имперской ассоциации германских предпринимателей. Кстати сказать, связь государства с концерном «Фридрих Крупп» была настолько тесной, что в 1943 году был принят специальный закон, санк-

⁸ Baars G. Capitalism's Victor's Justice? The Hidden Stories Behind the Prosecution of Industrialists Post-WWII // The Hidden Histories of War Crimes Trials / ed. by K. J. Heller, G. Simpson. New York: Oxford University Press, 2013. P. 163—192, 181.

⁹ Цит. по: Пауэлс Ж. Большой бизнес и Гитлер / пер. с англ. И. Маленко. М.: Наше завтра, 2021. С. 27, 28.

¹⁰ См.: Тиссен Ф. Я заплатил Гитлеру / пер. с нем. Л. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. С. 103, 104.

¹¹ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. С. 27.

¹² См.: Там же. С. 82.

¹³ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1987. С. 104.

ционировавший на законодательном уровне семейную традицию, в соответствии с которой концерн не подлежит делению и его единственным владельцем считается старший по возрасту мужчина¹⁴. В частности, ему инкриминировалось то, что он использовал занимаемые посты, «свое личное влияние и связь с фюрером таким образом, что он способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией... способствовал подготовке войны... участвовал в военном и экономическом планировании и в подготовке агрессивных войн и войн, нарушающих международные договоры, соглашения и заверения... санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях... и преступлениях против человечности... включая в особенности эксплуатацию и преступное использование людей на работе для ведения агрессивных войн»¹⁵. Помимо Г. Круппа, из «экономического блока» фашистской Германии обвинения были выдвинуты в отношении генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля (повешен), президента рейхсбанка В. Функа (приговорён к пожизненному заключению) и его предшественника на этом посту Я. Шахта (оправдан)¹⁶. Однако в конечном счёте на «большом» Нюрнбергском процессе семейству Круппов удалось уйти от ответственности, что выглядит как полноценная детективная история.

Дело в том, что горячими сторонниками осуждения Г. Круппа были французские и советские обвинители. Французские — потому что ещё в годы Первой мировой войны «Большая Берта» обстреливала с расстояния почти в 100 км Париж, а советские — потому что имя Круппа как потенциального подсудимого называл в ходе Потсдамской конференции И. В. Сталин¹⁷. Однако к моменту вручения обвинительного заключения 75-летний «пушечный король» был фактически недееспособен. Он лежал в постели в полузабытьи и не понимал, чего от него хотят.

24 октября 1945 года главный обвинитель от США Р. Джексон послал Р. А. Руденко, главному обвинителю от СССР, экстренную телеграмму следующего содержания: «Представитель службы трибунала по обвинению Круппа сообщает, что с последним случился удар паралича и он не может быть ни перевезен, ни судим. Думаю, что дело в его отношении может быть прекращено. Наше положение было бы абсурдным, если бы мы вели дела против других промышленников и не включили представителей военной промышленности. Считаю, что немедленно должно состояться совещание обвинителей в Нюрнберге для того, чтобы решить вопрос о том, изменять ли обвинение. Это должно быть сделано немедленно или будет иметь место задержка с началом процесса»¹⁸. Однако советская фаза обвинения, направляемая из Москвы А. Я. Вышинским, не ду-

¹⁴ См.: *Лохнер Л.* Кровавый контракт. Магнаты и тиран: Круппы, Боши, Сименсы и Третий Рейх / пер. с англ. Л. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2014. С. 39.

¹⁵ Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. 1. С. 326.

¹⁶ По мнению многих, Я. Шахта спасло то, что после покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 года он был арестован и помещён в Равенсбрюк. Это дало возможность его адвокату на Нюрнбергском процессе доктору Р. Диксу начать свою защитительную речь со следующих слов: «Исключительный характер Шахта становится совершенно очевидным уже при одном взгляде на скамью подсудимых, на которой сидят Кальтенбруннер и Шахт... Это на редкость гротескная картина: главный тюремщик и его узник сидят на одной скамье подсудимых...» (Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 195).

¹⁷ См.: *Борисов А. Ю.* Нюрнберг-2, или несостоявшийся суд над спонсорами нацизма // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 20–30, 21–22. «Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников?» — задавался вопросом И. В. Сталин, и сам на него отвечал: «Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других» (цит. по: СССР и Нюрнбергский процесс. Незвестные и малоизвестные страницы истории: сб. док. / науч. ред. и сост. Н. С. Лебедева. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. С. 214, 215).

¹⁸ СССР и Нюрнбергский процесс. Незвестные и малоизвестные страницы истории: сб. док. / науч. ред. и сост. Н. С. Лебедева. С. 267, 268.

мала сдаваться. В Нюрнберг для освидетельствования Г. Круппа (а также Р. Гесса, симулировавшего амнезию) была направлена делегация из Лечсанупра Кремля в составе профессоров Е. К. Сеппа, Е. К. Краснушкина и Н. А. Куршакова, которые совместно с американскими и французским психиатрами единогласно пришли к следующему заключению: «Умственное состояние больного таково, что он не в состоянии понимать судебный процесс и понимать или участвовать в допросе. Физическое состояние больного таково, что он не может быть перемещаем без опасности для жизни. Таким образом, мы единогласно считаем, что он никогда не будет способен умственно или физически предстать перед Международным военным трибуналом»¹⁹.

16 ноября, за несколько дней до начала процесса, было проведено заседание Комитета обвинителей, на котором тремя голосами против одного (англичанина Х. Шоукросса, полагавшего, что «речь идет о судебном деле, а не об игре, в которой заболевшего участника можно заменить другим»²⁰) было принято решение поставить перед Международным военным трибуналом (*далее* — МВТ, Трибунал) вопрос о том, чтобы: а) выделить дело Г. Круппа и привлечь к суду А. Круппа; б) отложить начало судебного процесса до 2 декабря. За день до этого МВТ удовлетворил ходатайство защитника об отсрочке процесса против Г. Круппа, а 17 ноября отклонил ходатайство Комитета обвинителей о привлечении сына Г. Круппа Альфрида в качестве обвиняемого²¹.

Так, впервые в орбиту международного уголовного правосудия попал старший сын Г. Круппа, с именем которого будут связаны важнейшие правовые позиции касательно индивидуальной ответственности предпринимателей по международному праву. Любопытно, что вопрос о привлечении к процессу А. Круппа вызвал раскол среди судей Трибунала. За исключением советского судьи И. Т. Никитченко, все судьи отказались замещать Г. Круппа его сыном. Что касается старого Круппа, то, как было сказано в приговоре, «15 ноября 1945 года Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед Судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это»²².

Тем не менее 50-летний А. Крупп попал в 1947 году на скамью подсудимых. Это произошло в ходе малого (последующего) Нюрнбергского процесса № 10, по результатам которого он был приговорён к 12 годам лишения свободы и конфискации имущества. Как писала тогдашняя пресса, на том процессе «все судьи [были] американцы, судебная процедура — американская и даже флаг в зале суда также американский»²³. В какой-то момент подсудимый прекратил отвечать на вопросы судей и обвинения, просидев оставшееся время с каменным лицом, не промолвив ни слова. Но как бы там ни было, в решении Международного военного трибунала по делу *США против Альфрида Круппа и других* (англ.: *United States v. Alfred Krupp et al.*) содержатся важные правовые позиции, имеющие методологическое значение для уяснения индивидуальной ответственности предпринимателей.

¹⁹ Там же. С. 280, 281. В отношении Р. Гесса было сказано следующее: «Участвовать в суде может. Вменяем».

²⁰ Борисов А. Ю. Указ. соч. С. 23.

²¹ См.: СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории : сб. док. / науч. ред. и сост. Н. С. Лебедева. С. 286.

²² Нюрнбергский процесс : сб. материалов. Т. 8. С. 564.

²³ Манчестер У. Стальная империя Круппов / пер. с англ. Л. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2003. С. 576. Неслучайно даже советский исследователь А. И. Полторак назвал свою книгу о процессах над А. Круппом, Ф. Фликом и «И. Г. Фарбениндустри» «Рурские господа и вашингтонские судьи».

Оговорившись, что «война, по определению, — рискованное и опасное дело», исход которой, «когда она уже началась, непредсказуем», и «потому-то разумные люди во всем мире отказываются от агрессивной войны и ненавидят ее»²⁴, Трибунал счёл, что разграбление частной собственности на оккупированной территории запрещено; единственным исключением является конфискация собственности для обеспечения общественного порядка или нужд оккупационной армии. Следовательно, компании не вправе извлекать выгоду из реквизиции чужого имущества на оккупированных территориях. Даже чрезвычайное положение, в котором формально находилась немецкая экономика, не оправдывает подобные действия.

Более того, использование рабского и принудительного труда также недопустимо. Несмотря на то что власти Германии устанавливали специальные нормы выработки и контролировали компании, действия промышленников не могут быть оправданы. Крайняя необходимость отсутствует, если при совершении правонарушения воля обвиняемого не была подавлена внешней силой, а совпадала с ней. Подсудимым не мог быть причинён никакой соразмерный их действиям вред. Тот факт, что они не были агентами государства, не влияет на квалификацию их действий как нарушающих законы и обычаи войны. Последние связывают не только государства и подконтрольных ему лиц, но и отдельных индивидов. Подсудимые являются управляющими корпорации и, следовательно, несут личную ответственность за её действия²⁵.

Помимо процесса над А. Круппом, на малых (последующих) Нюрнбергских процессах 1946—1949 годов к уголовной ответственности были привлечены химический магнат Ф. Флик со своими товарищами (процесс № 5) и менеджмент компании «И. Г. Фарбениндустри» (процесс № 6). В частности, Ф. Флику были предъявлены обвинения в: 1) использовании и эксплуатации рабского труда иностранных рабочих, военнопленных и узников концлагерей; 2) разграблении общественной и частной собственности и других преступлениях против собственности; 3) участии в преступлениях против человечности и особенно в экономическом разорении евреев (в силу «ариизации», как тогда говорили, ряда предприятий, ранее им принадлежавших); 4) способствовании преступным замыслам и преступной деятельности СС путём её широкой финансовой поддержки²⁶. Он был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорён к семи годам тюремного заключения. В решении же, резюмировавшем последнее судебное разбирательство, было отмечено следующее: «В этой связи уместно упомянуть, что корпоративный обвиняемый, “Фарбен”, не может предстать перед трибуналом или быть субъектом ответственности в данном процессе. Мы использовали термин “Фарбен” как описание технологии, во имя которой перечисленные акты разграбления были совершены. Но корпорации действуют через отдельных лиц, и согласно концепции личной индивидуальной вины, к которой была сделана отсылка ранее, обвинение, дабы снять с себя бремя, возложенное на него, должно установить с помощью доказывания, не вызывающего разумных сомнений, что физическое лицо было участником противоправного деяния либо, зная об этом, санкционировало или одобрило его»²⁷.

²⁴ Прецедент № 78, Военный трибунал США в Нюрнберге, «США против Альфреда Круппа и других» // Правовая защита во время войны : в 4 т. Т. 3 / пер. с англ.; сост. М. Сассоли, А. Бувье и др. М. : Международный Комитет Красного Креста, 2008. С. 40–47, 42.

²⁵ См.: Там же. С. 40–46.

²⁶ См.: *Оггер Г. Фридрих Флик мультимиллионер* / пер. с нем. Т. Ф. Емельянова. М. : Прогресс, 1976. С. 254, 255.

²⁷ The United Nations War Crimes Commission. Law Reports of Trials of War Criminals. Vol. X. London : H.M.S.O. for the United Nations War Crimes Commission, 1949. P. 52. Цит. по: *Stahn C. Liberals vs Roman-*

В целом учёными подсчитано, что с конца 1946 по 1949 год через суды в американской зоне оккупации прошёл 41 человек из числа предпринимателей: 6 — по делу Ф. Флика (трое признаны виновными), 23 — по делу «И. Г. Фарбениндустри» (13 признаны виновными) и 12 — по делу А. Круппа (11 признаны виновными). Однако ситуация стала меняться вскоре после раздела Германии на Западную и Восточную и, в особенности, после замены верховного комиссара американской зоны оккупации генерала Л. Клея на «чистопородного» бизнесмена Дж. Макклоя, пришедшего с поста президента Всемирного банка для осуществления в Германии «плана Маршалла». Эпоха подотчётности заканчивалась, начиналась эпоха восстановления экономики Западной Европы, в которой Германии снова отводилась ключевая роль. А решение этой задачи было невозможно без обращения к «старым зубрам» немецкой экономики, среди которых было немало людей, запятнавших себя сотрудничеством с А. Гитлером и даже получивших тюремные сроки. Бригадный генерал Т. Тейлор, выступавший главным обвинителем на судебных процессах в американской зоне оккупации, был вынужден написать полное отчаянья письмо Э. Рузвельт, вдове 32-го Президента США, о том, что военные преступники — выходцы из деловых кругов всё чаще досрочно выходят на свободу или вообще получают помилование, что выглядит абсурдным и умаляющим значение проведённых с таким трудом разбирательств²⁸.

Вместе с тем не нужно думать, будто бы привлечение к уголовной ответственности предпринимателей за совершение международных преступлений является рудиментом исключительно послевоенного времени. И в наши дни национальные суды не раз применяли международное уголовное право, дабы привлечь к ответственности представителей деловых кругов, стремящихся заключить «делку с дьяволом». Хрестоматийными в этом отношении стали два процесса, которые имели место в Нидерландах в 2000-е годы.

Первое дело было инициировано в отношении Ф. ван Анраата, который поставлял режиму С. Хусейна горчичный газ, использованный в 1988 году для химической атаки на город Халабджа. Бизнесмена обвиняли в соучастии в военных преступлениях на основании того, что при осуществлении сделки он знал о преступных целях, которые преследовал режим иракского диктатора. Сам же подсудимый утверждал, будто он находился в полной уверенности, что газ будет использоваться для нужд текстильной промышленности. Однако обвинение сыграло на том, что и после событий в Халабдже, вызвавших резонанс во всём мире, Ф. ван Анраат стал едва ли не единственным европейским предпринимателем, продолжившим деловое сотрудничество с Ираком. А вот более тяжкие обвинения в соучастии в геноциде доказать не удалось, поскольку суды трёх инстанций пришли к выводу, что подсудимый не знал и не мог догадываться о «геноцидальном намерении» (англ.: *genocidal intent*) своих контрагентов уничтожить именно курдское население. В конечном итоге Ф. ван Анраат был приговорён к 16 с половиной годам лишения свободы.

На втором процессе обвинения были выдвинуты в отношении предпринимателя Г. Кувенховена, поставлявшего стрелковое оружие в Либерию во время второй гражданской войны 1999—2003 годов в обход международного и национального эмбарго. Кроме того, обвинения касались деятельности его компаний по добыче древесины в стране,

tics: Challenges of an Emerging Corporate International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. Vol. 50. 2018. No. 1. P. 91—125, 99, 100.

²⁸ См.: Payne L. A., Pereira G., Bernal-Bermúdez L. Transitional Justice and Corporate Accountability from Below: Deploying Archimedes' Lever. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 69.

раздираемой гражданской войной, и, как следствие, финансирования диктаторского режима Ч. Тейлора. Любопытно, что в суде первой инстанции бизнесмен был признан виновным в нарушении санкционного режима, но полностью оправдан по обвинению в совершении военных преступлений на том основании, что в принципе лёгкое вооружение могло использоваться и в легитимных целях, а иное, с точки зрения окружного суда, не было доказано. Апелляционный суд Гааги вовсе снял с Г. Кувенховена все обвинения по причине противоречивости и неубедительности свидетельских показаний, использованных нижестоящим судом при вынесении обвинительного приговора. Верховный суд Нидерландов, куда была подана жалоба, пересмотрел решение Апелляционного суда, касируя оправдательный приговор, отправив дело на новое рассмотрение и разрешив при этом обвинению предоставить новые доказательства вины бизнесмена. В результате в 2017 году Апелляционный суд Гааги признал Г. Кувенховена виновным как в нарушении санкционного режима, так и в соучастии в военных преступлениях, совершённых третьей стороной. Более того, апелляционная инстанция сочла заводы по переработке древесины слишком тесно связанными с политическими, финансовыми и частными интересами семьи Тейлоров. При этом в приговоре особо подчёркивалось, что наказание Г. Кувенховена (19 лет лишения свободы) «преследует цель общей превенции», и указывалось, что «предприниматели наподобие подсудимого, которые работают на международных рынках и без зазрения совести ведут дела с режимами вроде тейлоровского, должны быть предупреждены о риске быть замешанными в серьёзных международных преступлениях»²⁹. Верховный суд Нидерландов на сей раз оставил приговор в силе.

Резюмируя вопрос об индивидуальной ответственности предпринимателей, хотелось бы поделиться одним соображением. Даже в самой серьёзной литературе по переходному правосудию можно встретить отсылку к так называемому «фактору Шиндлера». Речь идёт о том, что в любой тоталитарной структуре, в том числе в предпринимательской среде, вынужденной действовать в условиях несвободы, можно найти человека, который, будучи частью преступного по своей природе механизма, тем не менее пытается (не привлекая к себе излишнего внимания) бороться с наиболее вопиющими беззакониями или, во всяком случае, облегчить участь жертв³⁰. Своё название данное явление получило по имени немецкого предпринимателя. О. Шиндлера, владельца фабрики эмалированной посуды в оккупированном Кракове. Конечно, его доходы не шли ни в какое сравнение с наследственными состояниями Крупнов или Фликов, для которых он навеки остался «шибером» (выскачкой); впрочем, таковым для них был даже В. Мессершмитт. Однако О. Шиндлеру удалось проделать поразительную духовную эволюцию, которая так и осталась недоступной для его более богатых соотечественников. Предоставив на своей фабрике работу более чем 1 200 евреям из краковского гетто (среди которых было много людей преклонного возраста и инвалидов), он тем самым спас их от неминуемой гибели. И затем, срастаясь мало-помалу со своим «контингентом», хотя и не переставая при этом быть расчётливым эксплуататором, О. Шиндлер превратился в ревностного защитника евреев. Попасть в 1939–1945 годах в «список Шиндлера» практически означало выжить. Этот поступок немецкого капиталиста (или, как он сам о себе говорил, «военного преступника») был воспет в широко известном фильме С. Спилберга, вышедшем на экраны в 1993 году и получившем семь «Оскар».

²⁹ Kyriakakis J. Corporations, Accountability and International Criminal Law. Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2021. P. 164–167.

³⁰ См.: Posner E. A., Vermeule A. Transitional Justice as Ordinary Justice // Harvard Law Review. Vol. 117. 2004. No. 3. P. 761–825, 819.

И вот здесь мы подходим к чрезвычайно важному аспекту личности делового человека — умению и психологической готовности творить немотивированное, иррациональное добро. Это может быть спасение евреев в разгар Холокоста, это может быть щедрая и затянувшаяся на несколько десятилетий помощь родственникам, наконец, это могут быть значительные средства, потраченные на благотворительность. Как писала кинокритик М. И. Туровская, с которой следует согласиться, пример О. Шиндлера демонстрирует, что «только иррациональное, не освящённое никакими авторитетами, немотивированное добро может конкурировать с взлелеянными общими усилиями злом»³¹. Не учитывать (хотя бы гипотетической!) возможности такой духовной трансформации деловых людей в современной ситуации ни в коем случае нельзя.

Впрочем, как отмечают южноамериканские исследователи, авторы коллективной монографии «Переходное правосудие и корпоративная подотчётность снизу», сегодня в мире фактически нет ни одного экономического актора, действующего в условиях авторитаризма, который бы пытался защищать права человека в период подавления личности или вооружённого конфликта. Как подчёркивается в данной работе, «современные “шиндлеры” должны осознать, что они и их компании получают выгоду — пусть даже и косвенную — от системы, которая нарушает права человека, и взять на себя ответственность за создание эффективно функционирующих репарационных механизмов в новом — постдиктаторском, постконфликтном — обществе»³².

3. Корпоративная уголовная ответственность по международному праву

В приговоре «большого» Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов прозвучала фраза, на которую традиционно ссылаются, когда хотят поставить под сомнение правомерность привлечения к ответственности юридических лиц: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»³³. Исходя из такого подхода, на Нюрнбергском и последующих (малых) процессах к ответственности привлекались исключительно физические лица.

Тем не менее Устав МВТ предусматривал возможность признания организаций преступными. Так, согласно части 2 статьи 9 после получения обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдёт нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить такую просьбу. А согласно статье 10, если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавших Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию³⁴. В конечном итоге пре-

³¹ Туровская М. «Список Шиндлера» // Энциклопедия кино США. Фильмы. М. : Материк, 2007. С. 209–210, 210.

³² Payne L. A., Pereira G., Bernal-Bermúdez L. Op. cit. P. 156.

³³ Нюрнбергский процесс : сб. материалов. Т. 8. С. 609.

³⁴ См.: Нюрнбергский процесс : сб. материалов. Т. 1. С. 148, 149.

ступными организациями были признаны руководство НСДАП, гестапо и СД, СС, однако МВТ отказал в признании таковыми СА (которая в приговоре была остроумно охарактеризована как «группа, состоявшая большей частью из негодяев и головорезов», которые после расправы с их лидером Э. Ремом «превратились в группу малозначащих нацистских прихлебателей»³⁵), правительственному Кабинету, Генштабу и Верховному командованию вермахта (ОКВ). Кстати сказать, любопытны соображения, по которым правительство фашистской Германии не было признано преступной организацией. Во-первых, правительственный Кабинет фактически не собирался после 1937 года, когда А. Гитлер взял на себя все рычаги исполнительной власти, а во-вторых, данная группа лиц являлась настолько малочисленной (48 человек, из которых к 1945 году восьми не было в живых, а 17 оказались на скамье подсудимых), что без каких-либо затруднений её члены могли предстать индивидуально перед судом без вынесения решения о том, что правительственный Кабинет, членами которого они были, является преступной организацией.

Во многом такой подход объясняется континентальными традициями, в соответствие с которыми субъектом ответственности может быть исключительно человек. Истоки подобного подхода уходят в римское право, где действовал принцип *societas delinquere non potest* («юридические лица совершать преступления не могут»). Аналогичным образом проблема решалась и в России, которая по сию пору не признаёт уголовную ответственность юридических лиц³⁶. Так, сенатор Н. С. Таганцев писал в своём двухтомном курсе уголовного права (1902 год) следующее: «Нельзя отрицать права государства прекращать бытие корпорации, оказавшейся вредной или по цели, которую она осуществляет, или по условиям её деятельности; но такое прекращение не тождественно с наказанием»³⁷. В том же духе рассуждала едва ли не вся дореволюционная юридическая мысль, причём не только в области уголовного права.

Одно время в Российской империи широко обсуждался вопрос, может ли юридическое лицо иметь репутацию и доброе имя и, соответственно, способен ли кто-либо их оскорбить. Некоторые ставили вопрос ещё шире: может ли, к примеру, весь русский народ быть опозоренным чьими-то неумелыми словами или действиями? Вот как отвечал на этот вопрос великий русский юрист А. Ф. Кони: «Пред такими колоссами, как русский народ, или романское племя, или христиане, магометане, буддисты, всякое оскорбление бессильно складывает крылья, и звук его замирает, как тщетная и смешная попытка. Там, где Провидение и исторические судьбы сложили массу людей в единое целое по политической или бытовой организации, по крови или по идеалу Божества, носимому в душе, там попытка опозорить такое единение заставляет лишь сожалеть о скудоумии возмнившего, что он в силах оскорбить»³⁸. По этой причине, как писал уже цитированный выше Н. С. Таганцев, «каждый скопец может отвечать за принадлежность к скопчеству, но за оскотление кого-либо отвечает только оскотивший; принадлежащие к анархической или террористической партии, где таковая признается нетерпимой, отвеча[ю]т, и весьма сильно, за принадлежность к ней, но если известная их группа учинила взрыв

³⁵ Нюрнбергский процесс : сб. материалов. Т. 8. С. 656.

³⁶ Подробнее см.: Головки Л. В. Уголовная ответственность юридических лиц для России: социальная потребность или институциональная глобализация? // Закон. 2015. № 5. С. 132–142.

³⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула : Автограф, 2001. С. 309.

³⁸ Кони А. Ф. За последние годы. 2-е изд. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1898. С. 32. Цит. по: Верецагин А. Н. Ответственность за клевету и диффамацию в сенатской практике 1870–1890-х годов // Вестник экономического правосудия. 2022. № 3. С. 174–200, 191.

арсенала, царубийство и т. п., то усиленную ответственность за это деяние нельзя применять ко всем террористам, настоящим и будущим, у которых не существовало воли, в чем-либо выраженной, хотя бы в одном соглашении на таковое деяние»³⁹.

Аналогичным образом мыслили учёные в Западной Европе. Так, будущий член МВТ от Франции А. Доннедьё де Вабр писал о неспособности юридических лиц обладать собственной волей, что означает неприменимость к ним институтов вины, вменяемости и иных, выступающих обязательными условиями привлечения к уголовной ответственности⁴⁰. Поэтому неудивительно, что такие же подходы доминировали в международном уголовном праве, особенно на ранних этапах его развития. В частности, профессор А. Н. Трайнин, научный консультант советской части МВТ, отмечал: «Отвечать за злодеяния, учиненные гестапо, СС и другими организациями, должны физические лица, конкретные виновники этих злодеяний. Решение вопроса о личной роли и личной ответственности того или иного члена организации всецело зависит от индивидуальной вины и индивидуальной ответственности и подлежит компетенции национальных судов»⁴¹.

Однако время шло, и пусть пока только на национальном уровне, но уголовная ответственность юридических лиц становилась реальностью, главным образом в странах англосаксонской правовой системы. Так, в Примерном уголовном кодексе США, разработанном в 1962 году под руководством Генерального прокурора Р. Кеннеди, содержится статья 2.07 «Ответственность корпораций, неинкорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах». В соответствии с ней корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, если: а) посягательство является нарушением или определено не кодексом, а другим статутом, в котором прямо выраженная цель законодателя состоит в возложении ответственности на корпорации, и поведение осуществлено агентом корпорации, действующим в её интересах в пределах своей должности или своего служебного положения; б) посягательство состоит в неисполнении возложенной законом на корпорации специальной обязанности совершать положительные действия; в) посягательство было разрешено, потребовано, приказано, исполнено или опрометчиво допущено советом директоров или агентом-управляющим высокого ранга, действующим в интересах корпорации в пределах своей должности или своего служебного положения⁴².

В Англии, хотя в это и сложно поверить, существует самостоятельный вид простого ненамеренного убийства — убийство, совершённое юридическим лицом (англ.: *corporate manslaughter*). Согласно статье 1 Закона о корпоративном убийстве и корпоративном простом убийстве 2007 года юридическое лицо выступает субъектом простого убийства, если способ, с помощью которого оно осуществляет свою деятельность, или организация самой деятельности: 1) причиняет смерть человеку; 2) является итогом грубого нарушения лежащей на юридическом лице релевантной «обязанности соблюдать должную осмотрительность по отношению к потерпевшему». В качестве наказания за корпоративное убийство предусмотрен штраф, верхняя граница которого в законодательстве не установлена⁴³.

³⁹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 313.

⁴⁰ См.: Есаков Г. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие : моногр. М. : Проспект, 2021. С. 262.

⁴¹ Трайнин А. Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М. : Наука, 1969. С. 303.

⁴² См.: Примерный уголовный кодекс США / пер. с англ. и под ред. Б. С. Никифорова. М. : Прогресс, 1969. С. 56, 57.

⁴³ См.: Крылова Н. Е., Малешина А. В., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (особенная часть) : учебно-методическое пособие. М. : Статут, 2019. С. 61, 62.

Ответственность юридических лиц признаётся сегодня едва ли не во всех англоязычных странах — в Австралии, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии, США и других, а также в некоторых государствах ЕС, относящихся к семье континентального права (например, в Испании, Нидерландах, Австрии и других), где корпорации несут уголовную ответственность и наказываются за преступления, совершённые от их имени и в их интересах физическими лицами — сотрудниками корпорации⁴⁴. Последний подход ещё называют теорией отождествления. В соответствии с ним тот, кто контролирует деятельность корпорации, признаётся воплощающим для целей уголовного права в своих действиях (бездействии) саму корпорацию, так что последняя становится уголовно ответственной за его преступное поведение⁴⁵.

Ведущим прецедентом применительно к теории отождествления, появившейся в английском праве в середине 1940-х годов, считается дело *Tesco Supermarkets Ltd. v. Natrass*, разрешённое в 1971 году Апелляционным комитетом Палаты лордов. В частности, в своём мнении лорд Рид сказал: «Живое лицо обладает разумом, в котором может наличествовать знание или намерение, или небрежность, и оно обладает руками для выполнения своих намерений. У корпорации ничего этого нет: она должна действовать через живых лиц, хотя не всегда одних и тех же. Как следствие, лицо, которое действует, не говорит и не действует за компанию: оно действует как компания, а его разум, который направляет его действия, является разумом компании... Оно является воплощением компании или, как можно сказать, оно слышит и говорит через облик компании в пределах принадлежащих ему полномочий, и его разум является разумом компании. Если это виновный разум, тогда такая виновность является виновностью компании»⁴⁶.

Таким образом, широкое распространение уголовной ответственности юридических лиц на национальном уровне с течением времени привело к дебатам о возможности признания соответствующего феномена в практике органов международного уголовного правосудия. Так, К. Стан, видный исследователь темы, пишет о появлении в международно-правовой науке двух конкурирующих между собой школ: либеральной, отстаивающей тезис о физическом лице как единственном субъекте уголовной ответственности по международному праву, и «романтической», протагонисты которой полагают целесообразным распространить международную уголовно-правовую ответственность также на юридических лиц⁴⁷. О перспективности «романтических» воззрений хорошо сказал немецкий учёный Т. Вейгенд: «Не индивидуальный предприниматель продаёт газ диктатору, который затем используется при совершении военных преступлений, а фирма, организованная как юридическое лицо и обеспечивающая доступ к газу. Не индивидуальный предприниматель покупает и перепродает украденные алмазы, финансово поддерживая тем самым диктаторский режим, а корпорация, специализирующаяся на столь корыстных сделках»⁴⁸.

«Романтический» подход ценен также с точки зрения возмещения ущерба жертвам международных преступлений. Не секрет, что индивидуальная ответственность лиц,

⁴⁴ Подробнее см.: Голованова Н. А. Корпоративная ответственность: трансформация уголовно-правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 2. С. 82–96.

⁴⁵ См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. для вузов / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М. : Юрайт, 2022. С. 101.

⁴⁶ *Tesco Supermarkets Ltd. v. Natrass*, [1972] A.C. 153, 170 (per Lord Reid). Цит. по: Есаков Г. А., Понятовская Т. Г., Рапог А. И., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 257.

⁴⁷ См.: Stahn C. Op. cit. P. 102.

⁴⁸ Weigend T. *Societas Delinquere Non Potest?: A German Perspective* // Journal of International Criminal Justice. Vol. 6. 2008. No. 5. P. 927–945, 927–928.

осуждённых тем же МУС, зачастую неудовлетворительна с точки зрения компенсации вреда. Ведь одно дело, когда компенсацию, например, вынужден выплатить из своего кармана нищий Т. Лубанга, и совсем другое, когда соответствующая обязанность возлагается на корпорацию, виновную в содеянном. Можно привести аргументы и из арсенала социальной психологии, попытавшись ответить на вопрос, *каким образом* людям удаётся совершать массовые злодеяния наподобие международных преступлений. И здесь нам на помощь приходит теория иерархических систем, объясняющая, что последнее, к числу которых относятся юридические лица, создают социальные и психологические условия, при которых преступное поведение становится возможным и даже набирает обороты. Так происходило в фашистской Германии, мобилизовавшей огромные массы людей в многочисленные организации (СС, «гитлерюгенд», Национал-социалистический союз доцентов и другие). Как следствие, абстрактная коллективная воля подавляет индивидуальный выбор суверенной личности, вследствие чего человек начинает верить, что его преступное поведение является нормальным, даже желаемым, или что от его воли ничего не зависит. Таким образом, организации представляют собой не столько механизм совершения преступлений, сколько мотиватор этого⁴⁹.

Высказав эти наиболее общие соображения, обратимся к практике.

После Нюрнберга новый импульс признанию в международном праве корпоративной уголовной ответственности дал французский законодатель, внедривший у себя в стране в 1992 году уголовную ответственность юридических лиц (фр.: *responsabilité des personnes morales*). Как отмечает И. А. Клепицкий, первоначально уголовная ответственность была предусмотрена только за некоторые преступления, прямо указанные в законе. С 2005 года уголовная ответственность юридического лица возможна за любое преступление⁵⁰, что отмечено в книге IV bis «О военных преступлениях и проступках», включённой в Уголовный кодекс (*далее* — УК). Уголовные наказания для организаций: штрафы (зачастую несопоставимые с оборотом компании); санкция-репарация (с 2007 года); ликвидация организации, ограничительные меры; конфискации; предписание программы комплаенс.

Примером подобного разбирательства может служить дело компании «Лафарж», против которой были выдвинуты обвинения в совершении преступлений против человечности. Впервые в истории Франции их совершение инкриминировалось юридическому лицу. В 2016 году две правозащитные организации, совместно с бывшими сотрудниками «Лафарж Сириэн», обратились в суд, сообщив о предполагаемых преступлениях, имевших место в Сирии в период с 2013 по 2014 год и связанных с цементным заводом «Лафарж» в Джалабии, на севере страны, где действовали несколько вооружённых групп, включая террористическую организацию «Исламское государство»⁵¹ (*далее* — ИГИЛ). Предположительно, «Лафарж» вступила в переговоры о покупке у него нефти и пуццолана, а также о получении пропусков ИГИЛ для пересечения контрольно-пропускных пунктов в целях поддержания производства в этом районе.

28 июня 2018 года трибунал большой инстанции Франции признал виновным указанное юридическое лицо в соучастии в преступлениях против человечности, финансировании террористической организации, нарушении эмбарго ЕС и угрозе жизни других

⁴⁹ См.: *Mohamed S. From Machinery to Motivation: The Lost Legacy of Criminal Organizations Liability // The Oxford Handbook of International Criminal Law / ed. by K. J. Heller, F. Mégret, S. Nouwen, J. D. Ohlin, D. Robinson. New York : Oxford University Press, 2020. P. 494–515, 509, 510.*

⁵⁰ См.: *Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : моногр. М. : Проспект, 2022. С. 108.*

⁵¹ Запрещена в Российской Федерации.

людей. Годом позже Апелляционный суд Парижа подтвердил обвинения в финансировании террористической организации, нарушении эмбарго и создании угрозы жизни других людей, однако отменил обвинительный приговор в части соучастия в преступлениях против человечности.

Последовала кассационная жалоба, которая была удовлетворена Кассационным судом в сентябре 2021 года. По правилам французского законодательства высшая судебная инстанция не входит в рассмотрение фактических обстоятельств дела: они уже считаются установленными в двух инстанциях. Это приводит к тому, что при кассационном пересмотре нет и не может быть ни исследования доказательств, ни судебного следствия. Третья инстанция вправе только отменить решения нижестоящих судов (*casser* в переводе с французского языка означает «ломать») сугубо по правовым основаниям, в частности по причине неправильного применения норм материального уголовного права. Именно так и поступила в данном деле кассационная инстанция, отменив приговор Апелляционного суда Парижа. В частности, Кассационный суд подчеркнул, что «субъект может быть соучастником преступлений против человечности, даже если у него нет намерения быть связанным с совершёнными преступлениями». И далее: «Умышленная выплата нескольких миллионов долларов организации, единственная цель которой была исключительно преступной, достаточна для того, чтобы считаться соучастием, независимо от того, действовала ли заинтересованная сторона в целях ведения коммерческой деятельности»⁵².

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ходе Римской дипломатической конференции 15 июня — 17 июля 1998 года, на которой разрабатывался Римский статут МУС, именно французская делегация предложила дополнить проект следующим положением:

«Без ущерба для любой индивидуальной уголовной ответственности физических лиц на основании настоящего Статута, Суд может также обладать юрисдикцией в отношении юридического лица за преступления, предусмотренные настоящим Статутом. Обвинение может быть предъявлено Прокурором юридическому лицу, и Суд может вынести приговор в отношении юридического лица за инкриминируемое ему преступление, если:

- a. Обвинения, выдвинутые Прокурором против физического лица и юридического лица, касаются вопросов, указанных в подпунктах (b) и (c); и
- b. Обвиняемое физическое лицо имело контроль над юридическим лицом в соответствии с национальным законодательством государства, в котором юридическое лицо зарегистрировано во время совершения преступления; и
- c. Преступление совершено физическим лицом, действующим от имени и с явного согласия этого юридического лица и в ходе его деятельности; и
- d. Физическое лицо осуждено за совершение преступления.

Для целей настоящего Статута «юридическое лицо» означает корпорацию, конкретную, реальную или доминирующую целью которой является получение частной выгоды, а не государство или другой публичный орган, осуществляющий государственную власть, международный орган или организацию, зарегистрированную и действующую в соответствии с национальным законодательством государства в качестве некоммерческой организации.

⁵² См.: France's Lafarge Loses Ruling in Syria Crimes Against Humanity Case. URL: <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/frances-lafarge-loses-ruling-in-syria-crimes-against-humanity-case/> (дата обращения: 01.09.2022).

6. Производство в отношении юридического лица в соответствии с настоящей статьёй осуществляется согласно данному Статуту и Правилам процедуры и доказывания. Прокурор может предъявлять обвинения физическим и юридическим лицам совместно или по отдельности. Физическое и юридическое лицо могут предстать перед судом совместно...»⁵³

Однако в итоговый вариант Римского статута эта норма не вошла. Как отмечается в литературе, это было связано с тем, что в последний раз международное уголовное правосудие сталкивалось с ответственностью юридических лиц в деятельности МВТ, чей Устав, как мы помним, оперировал понятием «преступная организация». Однако, по мнению противников французской инициативы, такой подход был обусловлен уникальным контекстом фашистской Германии. В других кейсах, которые разбирали международные уголовные трибуналы, ничего сопоставимого по влиянию с СС или гестапо не было. В целом французское предложение было поддержано делегациями Иордании, Туниса, Сингапура, Танзании и Кореи. При этом Австрия, Украина, Куба, Таиланд, США и Португалия высказали своё негативное отношение к французской формулировке, согласившись, однако, оттачивать её в дальнейшем. Категорически отказались поддержать концепцию корпоративной уголовной ответственности Китай, Швеция, Мексика, Польша и многие другие страны⁵⁴. В конечном итоге предложение Франции было отклонено.

Однако в реальной жизни до сих пор не утихает дискуссия о том, может ли юридическое лицо быть субъектом ответственности по международному праву. С новой силой этот спор вспыхнул в связи с обвинением в адрес двух компаний, выдвинутых в ходе разбирательства в Специальном трибунале по Ливану (*далее* — СТЛ). Правда, фабула дела касалась не международных преступлений *per se*, а преступлений против отправления международного уголовного правосудия.

В частности, частная телевизионная компания «Аль Джадид С.А.Л.» выпустила в эфир серию из пяти репортажей о свидетелях по делу *Прокурор против Аяша и других* (англ.: *Prosecutor v. Ayyash et al.*). Запись репортажей также была выложена в сети Интернет. В день выпуска последнего репортажа, 10 августа 2012 года, судья СТЛ вынес предписание самой телевизионной компании, её руководству, сотрудникам, агентам и иным связанным с ней лицам изъять записи с сайта канала, а также из любого другого публично доступного источника. Несмотря на это, записи оставались в сети ещё больше года. 31 декабря 2014 года председателем СТЛ было вынесено решение о предъявлении обвинения в проявлении неуважения к суду и препятствовании отправлению правосудия самой компании и заместителю директора новостного отдела. В тот же день аналогичные обвинения были предъявлены издательскому дому «Акбар Бейрут С.А.Л.» и председателю его совета директоров. Им вменялось опубликование в ежедневнике «Аль Акбар» двух статей, в которых содержались имена, изображения и иные сведения о личности более тридцати свидетелей обвинения по делу *Прокурор против Аяша и других*. По итогам судебного разбирательства названные юридические лица были признаны виновными по всем пунктам обвинения⁵⁵.

Специфика данного дела заключалась, помимо прочего, в том, что СТЛ является едва ли не единственным из интернационализованных (гибридных) судов, в котором

⁵³ Working Paper on Article 23, paragraphs 5 and 6, A/Conf.183/C.1/WGPP/L.5/Rev.2, 3 July 1998. Цит. по: *Nerlich V. Core Crimes and Transnational Business Corporations // Journal of International Criminal Justice*. Vol. 8. 2010. No. 3. P. 895–908, 897.

⁵⁴ См.: *Kyriakakis J.* Op. cit. P. 114–117.

⁵⁵ См.: *Копылова Е.А.* Преступления против международного уголовного правосудия. М.: Бослен, 2019. С. 190, 191.

применяется национальное право, в частности УК и Уголовный процессуальный кодекс (далее — УПК) Ливана 2001 года, находящиеся под сильнейшим влиянием французских образцов, а потому хорошо знакомые с институтом уголовной ответственности юридических лиц. Более того, как отмечает Л. В. Головки, даже новейшее развитие бывших французских колоний (Ливан — не исключение) корреспондирует соответствующему развитию Франции. Скажем, после введения в этой стране корпоративной уголовной ответственности в УПК Алжира также появился раздел об особенностях уголовного судопроизводства в отношении юридических лиц, который, правда, был введён на двенадцать лет позже⁵⁶. В данном деле Апелляционная палата СТЛ также подчеркнула, что «основания присвоения уголовной ответственности юридическим лицам надлежит регулировать в соответствии со статьей 210 УК Ливана»⁵⁷.

Что касается деятельности международных уголовных трибуналов *ad hoc*, то Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии не касался экономических аспектов войны 1991—1995 годов и последующих событий в Косово, в отличие от своего «собрата», Международного трибунала по Руанде (далее — МТР), много внимания уделявшего коммерческой деятельности бенефициаров геноцида 1994 года.

В этой связи уместно вспомнить дело предпринимателя Ф. Кабуги, пойманного во Франции только весной 2020 года и в том же году переданного правопреемнику МТР — Международному остаточному механизму для уголовного правосудия. Как известно, он был одним из спонсоров «Радио 1000 холмов», популярной радиостанции в Руанде, которая всячески разжигала ненависть между племенами хуту и тутси. Деятельность этой радиостанции уже была предметом разбирательства в МТР ранее, в 2003 году, в рамках «медийного» дела *Прокурор против Нахиманы и других* (англ.: *Prosecutor v. Nahimana et al.*). Разрешая вопрос об индивидуальной ответственности подсудимых, МТР тем не менее обратился к анализу корпоративной структуры радиостанции, придя к выводу, что так называемый руководящий комитет фактически действовал как совет директоров. Судебная палата установила также, что, будучи исполнительными директорами, подсудимые осуществляли контроль за содержанием контента и обусловленными им преступлениями. Наконец, палата сформулировала доминантно-правовой вывод, согласно которому «в некоторых случаях о существовании заговора с целью совершения геноцида между лицами, контролирующими учреждения, можно судить по взаимодействию между этими учреждениями» (речь шла об упомянутой радиостанции и газетотаблоиде «Кангура») ⁵⁸. Однако справедливости ради отметим, что при установлении вины подсудимых МТР руководствовался исключительно принципом личной уголовной ответственности (статьи 5, 6 Устава МТР).

4. Заключение

Изложенное в данной статье позволяет прийти к следующим выводам:

1. Органы международного уголовного правосудия крайне осторожно относятся к концепции корпоративной уголовной ответственности. Единственным исключением может служить разве что МВТ в Нюрнберге, признавший, однако, «преступными организациями» специфические структуры публичной власти фашистской Германии, а не

⁵⁶ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 218.

⁵⁷ Копылова Е. А. Указ. соч. С. 193.

⁵⁸ Подробнее см.: Zahar A. The ICTR's "Media" Judgment and the Reinvention of Direct and Public Incitement to Commit Genocide // Criminal Law Forum. Vol. 16. 2005. No. 1. P. 33—48, 36, 37.

юридические лица частного права. Более того, на последующих (малых) Нюрнбергских процессах развивалась мысль о том, что за действия компании несут ответственность её руководители и менеджмент в личном качестве.

2. В то же время международное уголовное право всё чаще сталкивается с феноменом «системной преступности», при которой именно коллективные образования (государства, вооружённые группы и т. д.) совершают или поощряют совершение международных преступлений. Сказанное справедливо и для разного рода корпораций, извлекающих выгоду из организации бизнеса в странах третьего мира, раздираемых войнами и этническими противоречиями. Поэтому в юридической доктрине и на практике периодически делаются попытки предусмотреть уголовную ответственность юридических лиц (англ.: *corporate responsibility*), в том числе путём внесения соответствующих изменений в Римский статут МУС.

3. Значительное количество дел о международных преступлениях рассматривается сегодня в национальных судах США и стран ЕС с учётом требований и стандартов, предъявляемых к рассмотрению дел подобного рода мировым сообществом. Более того, широкое распространение получила практика «перекачки» дел из органов международного уголовного правосудия обратно на национальный уровень. В науке даже ставится вопрос о феномене «одомашнивания» международного уголовного права. По этой причине возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц частного права напрямую зависит от того, признаётся ли в том или ином государстве такая возможность по правилам материального уголовного права и процесса или нет. В противном случае к ответственности привлекаются представители управленческого звена компании, исходя из так называемой теории отождествления их воли с волей корпорации в целом.

4. Несмотря на относительно небольшое количество уголовных дел, связанных с совершением международных преступлений представителями крупного бизнеса, последние всё чаще оказываются в поле зрения правоохранительных органов. Своего рода суррогатом привлечения их к юридической ответственности является наложение персональных и корпоративных санкций, которые не требуют предварительного расследования и установления соответствующих юридических фактов (например, сотрудничества с преступными режимами) и накладываются по решению политических органов власти, хотя и подлежат оспариванию в национальных и международных судах.

Библиографическое описание:

Евсеев А. Бизнес и международное уголовное правосудие: эволюция взаимоотношений // Международное правосудие. 2022. № 3(43). С. 96–116. EDN BVBYXL.

Business and the international criminal justice: the evolution of their relationship

Aleksandr Evseev

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: apevseyev@gmail.com).

Abstract

The article addresses the international criminal liability of businesses. It is considered in two aspects: the individual liability of businessmen acting in their personal capacity and the liability of corporate entities created by private law. The author analyzes this issue in historical terms, starting his research from the end of the Second World War and ending with the latest cases adjudicated by international-

ized (hybrid) courts. He concludes that, in general, businessmen rarely appear as defendants in international criminal justice bodies and corporations almost never do. The emerging trend of limiting the prosecution of international crimes exclusively to those committed by military and political leaders to the detriment of the persecution of business representatives undoubtedly reduces the effectiveness and humanistic potential of international criminal courts and tribunals. In general, the article asserts the need for a more flexible approach to the international criminal liability of big business. In this regard, the appeal “Back to Nuremberg!”, which is advanced by some Russian legal scholars, seems promising. The article emphasizes that the international community, at the stage of preparing the Rome Statute of the International Criminal Court, narrowed the possibility of applying international criminal law to business structures by refusing to provide for the criminal responsibility of legal entities. Thus a business person can appear in the dock in the Hague only in his personal capacity. The author comes to the conclusion that despite the relatively small number of criminal cases related to the commission of international crimes by representatives of big business, these crimes are increasingly a concern of law enforcement. A kind of surrogate for bringing these businesses to legal responsibility is the imposition of personal and corporate sanctions that do not require preliminary investigation and the establishment of relevant legal facts (such as cooperation with criminal regimes), are imposed by decisions of political authorities, and are subject to challenge in national and international courts.

Keywords

Nuremberg Trial 1945–1946; small (subsequent) Nuremberg trials 1946–1949; international criminal justice; criminal liability of businessmen under international law; social responsibility of business; corporate criminal liability.

Citation

Evseev A. (2022) Biznes i mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: evolyutsiya vzaimootnosheniy [Business and the international criminal justice: the evolution of their relationship]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 12, no. 3, pp. 96–116. (In Russian).

References

- Ambos K. (2018) International Economic Criminal Law. *Criminal Law Forum*, vol. 29, no. 4, pp. 499–566.
- Arsen'ev I. A. (2021) *Prava cheloveka v deyatel'nosti korporatsiy: monografiya* [Human rights in corporate activities: a monograph], Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).
- Baars G. (2013) Capitalism's Victor's Justice? The Hidden Stories Behind the Prosecution of Industrialists Post-WWII. In: Heller K. J., Simpson G. (eds.) *The Hidden Histories of War Crimes Trials*, New York: Oxford University Press, pp. 163–192.
- Borisov A. Yu. (2016) Nyurnberg-2, ili nesostoyavshiyasya sud nad sponsorami natsizma [Nuremberg-2, or the failed trials of nazi sponsors]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, pp. 20–30. (In Russian).
- Esakov G. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Chuchaev A. I. (2021) *Ugolovno-pravovoe vozdeystvie: monografiya* [Criminal law impact: a monograph], Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Galkin A. A. (1989) *Germanskiy fashizm* [German fascism], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Gel'man V. (2021) *Avtoritarnaya Rossiya: Begstvo ot svobody, ili Pochemu u nas ne prizhivaetsya demokratiya* [Authoritarian Russia: An escape from freedom, or Why democracy fails in this country], Moscow: Govard Rork. (In Russian).
- Golovanova N. A. (2022) Korporativnaya otvetstvennost': transformatsiya ugovno-pravovogo regulirovaniya [Corporate liability: transformation of criminal law regulation]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 2, pp. 82–96. (In Russian).
- Golovko L. V. (2015) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits dlya Rossii: sotsial'naya potrebnost' ili institutsional'naya globalizatsiya? [Criminal responsibility for legal entities in Russia: social need or institutional globalisation?]. *Zakon*, no. 5, pp. 132–142. (In Russian).
- Golovko L. V. (ed.) (2016) *Kurs ugovalnogo protsessa* [Course of criminal procedure], Moscow: Statut. (In Russian).

- Khavkin B. (2014) *Reykhsfuehrer SS Gimpler. Vtoroy posle Gitlera* [Reichsfuehrer SS Himmler. Second after Hitler], Moscow: Algoritm. (In Russian).
- Klepitskiy I. A. (2022) *Novoe ekonomicheskoe ugolovnoe pravo* [New economic criminal law], Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Kopylova E. A. (2019) *Prestupleniya protiv mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiya* [The crimes against international criminal justice], Moscow: Boslen. (In Russian).
- Krylova N. E., Maleshina A. V., Serebrennikova A. V. (2019) *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran (osobennaya chast')*: *uchebno-metodicheskoe posobie* [Criminal law of foreign countries (special part): a handbook], Moscow: Statut. (In Russian).
- Kyriakakis J. (2021) *Corporations, Accountability and International Criminal Law*, Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Lebedeva N. S. (ed.) (2012) *SSSR i Nyurnbergskiy protsess. Neizvestnye i maloizvestnye stranitsy istorii: sbornik dokumentov* [USSR and the Nuremberg trials. Unknown and little-known pages of history: a collection of documents], Moscow: Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya". (In Russian).
- Lochner L. (2014) *Krovavyy kontrakt. Magnaty i tiran: Kruppy, Boshi, Simensy i Tretiy Reykh* [Tycoons and tyrant: German industry from Hitler to Adenauer], L. Igorevskiy (transl.), Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Manchester W. (2003) *Stal'naya imperiya Krupnov* [The arms of Krupp], L. Igorevskiy (transl.), Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Marchenko M. N. (2007) Problemy yuridicheskoy i sotsial'no-politicheskoy otvetstvennosti biznesa [Problems of legal and socio-political responsibility of business]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 11, pp. 5–11. (In Russian).
- Mohamed S. (2020) From Machinery to Motivation: The Lost Legacy of Criminal Organizations Liability. In: Heller K. J., Mégret F., Nouwen S., Ohlin J. D. (eds.) *The Oxford Handbook of International Criminal Law*, New York: Oxford University Press, pp. 494–515.
- Naumov A. V., Kibal'nik A. G. (eds.) (2022) *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast'*: *uchebnik dlya vuzov* [Criminal law of foreign states. General part: a textbook for universities], Moscow: Yurayt. (In Russian).
- Nerlich V. (2010) Core Crimes and Transnational Business Corporations. *Journal of International Criminal Justice*, vol. 8, no. 3, pp. 895–908.
- Ogger G. (1976) *Fridrich Flik mul'timillioner* [Friedrich Flick multimillionaire], T. F. Emel'yanov (transl.), Moscow: Progress. (In Russian).
- Payne L. A., Pereira G., Bernal-Bermúdez L. (2020) *Transitional Justice and Corporate Accountability from Below: Deploying Archimedes' Lever*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Pauwels J. (2021) *Bol'shoy biznes i Gitler* [Big business and Hitler], I. Malenko (transl.), Moscow: Nashe zavtra. (In Russian).
- Posner E. A., Vermeule A. (2004) Transitional Justice as Ordinary Justice. *Harvard Law Review*, vol. 117, no. 3, pp. 761–825.
- Sassoli M., Bouvier A. et al. (eds.) (2008) *Pravovaya zashchita vo vremya voyny: v 4 tomakh* [How does law protect in war?], in 4 vols., Moscow: Mezhdunarodnyy Komitet Krasnogo Kresta. (In Russian).
- Stahn C. (2018) Liberals vs Romantics: Challenges of an Emerging Corporate International Criminal Law. *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 50, no. 1, pp. 91–125.
- Thyssen F. (2008) *Ya zaplatil Gitleru* [I paid Hitler], L. Igorevskiy (transl.), Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Traynin A. N. (1969) *Izbrannyye proizvedeniya. Zashchita mira i uglovnyy zakon* [Selected works. Protection of peace and criminal law], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Vereshchagin A. N. (2022) Otvetstvennost' za klevetu i diffamatsiyu v senatskoy praktike 1870–1890-kh godov [Liability for libel and defamation in the Senate practice in the 1870s–1890s]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*, no. 3, pp. 174–200. (In Russian).

- Weigend T. (2008) *Societas Delinquere Non Potest?: A German Perspective*. *Journal of International Criminal Justice*, vol. 6, no. 5, pp. 927–945.
- Werner K., Weiss H. (2007) *Chernaya kniga korporatsiy* [The Black Book of corporations], O. Kolo-sova, A. Shaverdyan (transl.), Ekaterinburg: Ul'tra.Kul'tura. (In Russian).
- Zahar A. (2005) The ICTR's "Media" Judgment and the Reinvention of Direct and Public Incite-ment to Commit Genocide. *Criminal Law Forum*, vol. 16, no. 1, pp. 33–48.